

— Я играла стеклянными шариками на полу в гостиной, в доме никого не было, и мне было страшно. В такие моменты брат А-Янь спускался и говорил, чтобы я не боялась, что он снаружи.

Голос девочки начал дрожать, она молча вытерла слёзы и сказала:

— Брат А-Янь много разговаривал со мной снаружи и говорил, чтобы я, если устану, шла спать на диван. Но каждый раз, когда я просыпалась, дома по-прежнему никого не было, и мне было страшно. Каждый раз, когда мне становилось страшно, стоило позвать его вниз, как брат А-Янь сбегал ко мне, и тогда мне уже не было так страшно.

— А что ты делаешь вечером, если мама возвращается поздно и в доме нельзя включить свет?
— спросил её Хэ Ци.

— Мама сначала возвращается один раз, кормит меня ужином, купает, укладывает в кровать, а потом снова спешно уходит. Она оставляет все лампы в доме включёнными, так что мне не так страшно лежать в постели.

— Тебе одной дома не страшно? Как твоя мама может быть так спокойна, оставляя тебя одну? Вдруг что-то случится? — Хоть Хэ Ци и задавал вопрос, он говорил мягким тоном.

Ню-ню, уткнувшись ртом в колени, глухо проговорила:

— Я же не маленький ребёнок. Мама сказала, что опасно, нужно просто хорошо запомнить её слова и не трогать это.

Хэ Ци не мог совместить в своём сознании эту маленькую девочку с той, что ещё недавно каждый день играла в песке внизу и разрисовывала себе лицо, как маленькая кошечка. Взрослые, столкнувшись с серьёзными переменами, спотыкаются, сбрасывают кожу, и только потом могут подняться и начать жизнь заново. Невинному ребёнку, столкнувшемуся с таким, вероятно, тоже приходится в короткие сроки заставлять себя мгновенно повзреть.

Но ей всего пять-шесть лет!

Глядя на неё, у Хэ Ци чуть не потекли слёзы.

Однако маленькая девочка улыбнулась:

— Мама сегодня нашла работу поблизости, и теперь у неё будет много времени на меня. Мама сказала, что Ню-ню очень старается, и она тоже должна стараться, чтобы прокормить нас обеих!

— Раньше я очень не любила маму, она постоянно с кем-то ссорилась, иногда даже ругала меня. Но только мама дарила мне подарки, каждую ночь обнимала и желала спокойной ночи. Она ещё купила мне синтезатор, и за это её долго ругали.

Хэ Ци украдкой отвернулся, вытер глаза, затем повернулся к ней и, улыбаясь, сказал:

— У тебя хорошая мама.

Ню-ню сказала:

— Моя мама — самая лучшая мама на свете.

Хэ Ци заметил, что в своих предыдущих словах она намеренно не упомянула тех двоих, кто бросил её с матерью. Даже если они долгое время жили под одной крышей, те, кто раньше были семьёй, теперь стали болью, к которой нельзя прикасаться. Кто сказал, что дети ничего не понимают?

— А-Янь ещё сказал, что научит меня играть на фортепиано.

Услышав это, Хэ Ци удивился:

— Он говорил, что умеет играть?

Ню-ню кивнула:

— Он сказал, что играет очень хорошо.

— Когда он тебе это сказал?

— Позавчера.

Хэ Ци с подозрением спросил:

— А вдруг он тебя обманывает?

Маленькая девочка тут же вскочила со ступеньки, её лицо покраснело, и она, надувшись, крикнула на него:

— А-Янь никогда не врёт! Ты сам обманщик! Ты плохой! Я с тобой больше не играю! — Сказав это, она убежала вниз.

В этот момент дверь её дома внезапно открылась, её мама, услышав шум, как раз высунула голову, Ню-ню бросилась к ней в объятия, обхватила за талию и не хотела отпускать. Увидев это, Хэ Ци поспешно встал с земли, отряхнул штаны и, волнуясь, как в детстве, когда дразнил одноклассника и столкнулся с его родителями, застыл на месте, скованно поздоровавшись с женщиной. Выражение лица у женщины было не очень хорошим, но она вежливо кивнула ему, что можно было считать приветствием.

В тот миг, когда металлическая дверь закрылась, Хэ Ци ещё мог расслышать нежный голос женщины:

— Что случилось? Кто опять тебя рассердил?

После того как закрылась и внутренняя деревянная дверь, он уже ничего не услышал.

Пора было возвращаться, не знал, приготовил ли Син Янь ужин. Вспомнив ту карпа, который так печально погиб от его рук, Хэ Ци вдруг почувствовал, что аппетит сегодня вечером будет не очень, перед едой нужно принять две таблетки от желудка, иначе действительно можно умереть.

Он ещё не дошёл до лестничной площадки, как силуэт против света перекрыл ему обзор. Син Янь с кухонной лопаткой в руке и в фартуке подошёл к нему, увидев друг друга, они оба замерли.

Син Янь сказал:

— Я как раз хотел пойти тебя искать.

Хэ Ци сказал:

— Какое совпадение, я как раз собирался вернуться.

Син Янь опустил поднятую лопатку:

— Ужин готов.

Хэ Ци поднялся по ступенькам и отозвался:

— Э-э.

За ужином Хэ Ци постоянно витал в облаках, дело было не в еде. Он не переставал двигать палочками для еды и жевать, но пища во рту пережёвывалась лишь механически. Когда Син Янь спросил его, как вкус, Хэ Ци кивнул, небрежно хмыкнув пару раз, явно не сосредоточившись.

Только когда Син Янь спросил:

— Что с тобой?

Хэ Ци наконец высказал вопрос, который всё это время беспокоил его в голове:

— Почему ты никогда не рассказывал мне о том, что происходит внизу?

Син Янь замер и сказал:

— Ты уже знаешь.

— Я знаю.

Син Янь с некоторой неуверенностью спросил:

— Ты сердишься?

— Да с чего бы мне сердиться?! — рявкнул на него Хэ Ци.

— Ты каждый вечер возвращаешься таким уставшим, что не можешь говорить, я не хотел беспокоить тебя бессмысленными разговорами.

Хэ Ци в спокойном состоянии обдумал его слова и почувствовал, что в них есть доля правды. Он вдруг опустил палочки, выглядело это так, будто он не мог проглотить еду. Син Янь с беспокойством спросил:

— Еда невкусная? У тебя снова болит желудок? — Он поспешил извиниться:

— Мне следовало приготовить что-нибудь полегче... Не ешь эту тушёную в соусе рыбу, лучше поешь больше яичницы с помидорами.

Он говорил и в то же время клал в миску Хэ Ци много яичницы, однако Хэ Ци вообще не обращал на него внимания, полностью погрузившись в свой собственный мир. Спустя мгновение он меланхолично вздохнул и сказал:

— Эта девочка и вправду такая несчастная...

Палочки Син Яня, которыми он клал ему еду, замерли, услышав его вздох, он невольно погрузился в такое же настроение.

Хэ Ци, глядя на подавленного Син Яня, вдруг оживился и сказал:

— Говорят, ты умеешь играть на фортепиано?

Тело Син Яня явно дёрнулось, он широко раскрыл глаза, на мгновение на его лице мелькнула паника, реакция была настолько сильной, что Хэ Ци подумал, не сказал ли он только что что-то не то.

— Че... чего ты так на меня смотришь? Жутковато, — сказал он.

Син Янь сглотнул слюну, приоткрыл рот, губы его слегка дрожали. Чтобы успокоить внутреннее волнение, Син Янь опустил голову, он самодовольно усмехнулся и спросил:

— Откуда ты знаешь? — Его рука под столом сжалась в кулак, крепко сжимая.

Хэ Ци был озадачен его поведением и сказал правду:

— Откуда ещё? Только что на лестничной площадке Нью-ню сказала мне. Ты же сам ей рассказывал, разве забыл?

Син Янь тайно вздохнул с облегчением, поднял голову и, как обычно, улыбнувшись ему, сказал:

— Раньше немного учился, слишком давно не прикасался к фортепиано, уже всё забыл.

Хэ Ци подумал с недоверием: ну и что тут такого? Зачем так сильно реагировать, словно преступника, разыскиваемого по ориентировке, опознали на улице и тут же скрутили, чтобы отправить в полицейский участок, весь дрожишь от страха. Затем он подумал: он, ребёнок из обычной семьи, с рождения и до сих пор даже не прикасался к клавишам, максимум — учился играть на губной гармошке во дворце пионеров, самом дешёвом инструменте, который его семья могла позволить себе для музыкального воспитания. Если Син Янь и вправду, как он предполагал, имел несчастное детство, где его эксплуатировали, как у него могла быть возможность научиться играть на фортепиано, этой продвинутой штуковине, пришедшей из западных капиталистических стран? Насколько дорого стоит фортепиано, он даже представить себе не мог, для него всё, что стоило больше трёхзначной суммы, было астрономической ценой. Печальная жизнь Син Яня была всего лишь плодом его воображения, если десять-двадцать лет назад он мог позволить себе нанять учителя по фортепиано, то Син Янь, как ни крути, должен был принадлежать к имущему классу.

Если это правда, то из-за чего Син Янь опустился до жизни на улице? Только что он лишь мимоходом спросил: «Говорят, ты умеешь играть на фортепиано?», а тот уже как испуганная птица, готов голову в горячий песок зарыть. Если бы в этот момент Хэ Ци стал ещё больше наседавать и спрашивать дальше: Эй, а как ты жил раньше? Где твой дом? Сколько человек в семье? Женат ли был? Сколько недвижимости? Сколько накоплений? Покажи-ка свою прописку... Да он бы точно не выдержал и прыгнул с крыши.